

НАЕЗДНИЧЕСТВО КАК ЭТАП ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В АДЫГСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lyanagut@bk.ru

В статье рассматривается характер отражения в фольклоре института наездничества в традиционном адыгском обществе как одного из важных этапов жизненного цикла адыгского мужчины; в большинстве случаев он предшествует созданию семьи и даже может служить одним из способов инициальных испытаний молодого человека. Представлены сведения отечественных и зарубежных ученых о наездничестве в традициях адыгов. Анализируются тексты нартских и историко-героических сказаний, в которых отражено наездничество как род занятий. Также рассматривается адыгский вариант института «мужского дома», который отражен в сказаниях о нартах как «Нарт хасэ» – «Собрание нартов». В более поздней традиции такие собрания воинов известны под названием «шу пшыIэ» – «стан наездников». Они устраивались в определенное время года как многодневные кампании с тайными сборами в определенном месте с целью обучения молодежи и организации небезопасных походов иногда на довольно дальние расстояния. Представлены конкретные условия и правила, которых придерживались воины в таких домах или станах. Ведется также сравнительный анализ сведений фольклорно-этнологического характера с привлечением материалов русского фольклора и фольклора народов Кавказа.

Ключевые слова: зеко, Зекотх, пшинагль, иныж, нарт-хаса, стан наездников, рыцарь, очистительная песня.

Наездничество как образ жизни типологично и существовало у многих народов мира. На адыгском материале эту тему достаточно подробно освещали отечественные и зарубежные исследователи, в их числе Р. Скасси [Скасси 1816: 281–285], Ш.Б. Ногмов [Ногмов 1994: 232], Л.Г. Лопатинский [Лопатинский 1981: 1–10], Н.Ф. Дубровин [Дубровин 1991: 13–249]. Из современных исследователей особое внимание данному явлению уделяют Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 1983: 232], А.С. Марзей [Марзей 2000: 256] и др.

Большинство из них рассматривали институт наездничества более всего с историко-культурной точки зрения. Нас же интересует характер его отражения в фольклоре как этапа жизни человека традиционного общества. Несмотря на то, что после обряда инициации юноши получали право обзавестись семьей, далеко не каждый из них сразу совершал этот шаг, не проявив себя как воин-наездник. В значительной степени это было вызвано тем, что не каждая девушка, соглашалась связать свою жизнь с малоизвестным юношей, не отличившимся какими-либо достоинствами и прежде всего воинскими подвигами. Поэтому нередким явлением было участие в военных кампаниях молодых людей, которые еще не прошли обряд посвящения. В таких случаях это оказывалось частью испытаний. Согласно фольклорным стереотипам, даже молодожен мог отправиться в поход, тем самым обозначив свой переход в следующую стадию жизненного цикла. Существовало даже правило, согласно которому юноша отмечал переход в новую для себя

стадию женатого человека длительным походом. Этим он не просто символически обозначал свой статус, но и давал повод своей родне гордиться перед родственниками невесты, а тем – убедиться в верности выбора зятя. Кроме того, молодожен привозил подарки и своим родственникам, и невесте, и новым родственникам. Тем самым, умножалась его слава как истинно доброго наездника.

Несомненно, участие в успешных походах значительно повышало статус молодого человека в глазах и будущей невесты, и всей ее родни. Поэтому мы рассматриваем этот жизненный этап, одновременно находя идеальный образ героя, который не только проявляет себя как отважный воин, но вместе с тем, демонстрирует и другие свои рыцарские качества, в том числе как до, так и после женитьбы. Таков, например герой сюжета сказания о Красавице Елене и Карабатыре Занэ [Фольклор адыгов... 1979: 366]. Он, женившись, на красавице-Елене, сразу после свадебных торжеств отправляется в поход. По возвращении узнает, что его супругу похитили, и отправляется в дальний путь на ее поиски, встречает в пути надежного товарища, который помогает ему в его деле. В конце концов герой преодолевает многие трудности, возвращает жену, хотя на этом сюжет не завершается: в итоге он обретает другую жену, которая поистине достойна его и готова служить верой и правдой.

Возвращаясь к историческим сведениям о наездничестве, отметим, что одной из причин возникновения этого института было то, что Кавказ в силу своего географического положения (являясь воротами из Азии в Европу) и благоприятного климата был объектом постоянных нападений со стороны многих соседних и дальних народов. Кроме того, будучи раздробленными на множество субэтнических групп, адыги вели иногда и междоусобные войны, весьма характерные для эпохи феодализма. Ш.Б. Ногмов с душевной болью писал о средневековой Кабарде: «В ту эпоху Кабарда представляла вид рассеянного воинского стана, где каждый, ополчась, охранял свое имущество вооруженной рукой» [Ногмов 1994: 115].

О военизированном быте черкесов (в частности, натухайцев) Р. Скасси отмечал, что «...все мужчины возрастом от 13–15 лет и до старости приучены носить оружие. Воспитание детей все направлено к тому, чтобы внушить им величайшую храбрость. Храбрость у них первая добродетель» [Скасси 1816: 281–285].

Юноши, достигнув определенного возраста (16–18 лет), после обряда инициации получали уже полное право ездить в походы «зекІуэ», наравне со старшими представителями общины, хотя, как мы отмечали, им не возбранялось это и до инициальных церемоний.

Следует заметить, что наездничество могло быть основным занятием не только представителей княжеско-дворянского сословия, которые считались профессиональными воинами, но и вольных крестьян, которые нередко промышляли охотой. А между охотой и воинскими походами различие было не таким уж большим. По необходимости обретя привычку жить в постоянной готовности к нападению извне, адыги свыклись с осознанием опасности и превратили это в часть своей повседневности и в излюбленное занятие. «Адыге, – писал Л.Г. Лопатинский по этому поводу, – ищет опасности, так сказать из любви к искусству ...» [Лопатинский 1891: 5].

«ЗекІуэ» в основном совершались за пределы родных мест, так как совершать набег на ближнего соседа считалось недостойным и не приветствовалось. В то же время не считалось зазорным нападать на чужеземные поселения, тем более, если отношения с ними были враждебными «Набеги же на земли соседей, не связанных союзными отношениями, – пишет Н. Дубровин, – не только не считались преступлением, но и поощрялись [Дубровин 1991: 215].

Принадлежность к воинской касте не только доставляла молодому человеку общественное признание, но и накладывала на него и свои ограничения. Так, по сведениям многих авторов, настоящий воин-наездник должен был быть приучен

к преодолению всякого рода трудностей – от самоограничений в пище и неприязнительности относительно бытовых удобств до постоянной готовности выступить в поход по первому зову. В историко-героических преданиях общим местом является рассказ о том, как идеальный герой даже на зов среди ночи выходит из дому уже наготове, держа в одной руке свое оружие и снаряжение, а в другой – снаряжение верного коня. Герой не должен ссылаться на бытовые неудобства, на голод, холод и отсутствие теплой одежды.

Так, в одном из сказаний о мудреце Жабаги Казанокко излагается следующая история. Героя с сопровождающим его юношей застала ненастная погода, и неопытный спутник троекратно пожаловался на холод, ветер и снег. На третий раз герой, ни слова не говоря, взъехал на вершину кургана, где не было никакого укрытия, небрежно расстелил свою бурку, разлегся на ней, как будто в солнечный теплый день, и проспал с вечера до утра, ничем не прикрываясь, вынудив и своего спутника находиться около. Это было призвано послужить юноше уроком выдержки и готовности к любым неприятностям [Гутов 1998: 43].

Вместе с тем, воинский быт отчуждал человека от хозяйственных дел и занятий бытовыми проблемами. Они представлялись низкими и недостойными настоящего наездника, как это справедливо замечает Л.С. Хагожеева: «...Идеология и этические принципы феодальной верхушки предполагали отказ от любых форм хозяйственной деятельности. Недостойными для адыгского воина-наездника считались занятия сельским хозяйством, животноводством, торговлей. Главным их занятием были рыцарские походы странствия и войны – зеклуэрэ зауэрэ (походы и битвы – Л.Г.)» [Хагожеева 2016: 84].

Воины, отличившиеся в походах и сражениях умелым ведением военных действий, мужеством, силой, знанием тонкостей этикета, в том числе и проявлением определенной доли уважения не только к соратникам, но также и к достойному противнику, слыли в народе как настоящие герои, в честь таких людей слагались величальные песни и легенды.

Чаще всего героями песен оказывались не живые, а погибшие в сражениях. В этом случае в одной песне переплетались три разные функции. Во первых, песня была призвана сохранить имя и подвиг погибшего, значит, она была своего рода мемориальной. Во-вторых, в ней должен был быть отражен жизненный путь славного воина, поэтому одной из доминант было жизнеописание в величальном стиле. Наконец, в-третьих, песня слагалась или в день похорон или же в день памяти погибшего, а значит в ней должны были отразиться и мотивы скорби. Отсюда в героической песне нередко отмечается минорная тональность. Вне контекста традиционной культуры все это могло бы представиться несовместимым. Но специфика адыгской героической песни такова, что она призвана не только оплакать, но и обессмертить своего героя. В результате песенный герой преподносится как идеал подлинного рыцаря, достойный всяческого подражания. Исключением из правила считалось, когда воин-наездник при жизни удостоивался величально-мемориальной песни, хотя это происходило довольно редко. Так, например, в известной песне о Каракашкатауской битве, где объединенное войско горцев разгромило превосходящие по численности силы врага, прославляются не только погибшие воины, но и все, кто отличился в сражении [НПИНА 1986: 190–199, 200–204]. Такова же и «Песня о Бзюкской битве» [НПИНА 1986: 246–250].

Один из последних по времени случаев, как гласит предание, связан с именем легендарного героя Кавказской войны Кучука Аджигирева [НПИНА 1990: 52–63]. Воины его отряда стали невольными свидетелями беспримерного подвига своего предводителя, и это побудило их поручить песнетворцам-джегуако песню при жизни героя.

Таким образом, наездничество, как основное занятие сословия воинов, отражается и в народных песнях и преданиях адыгов, а их фольклорные образы становятся идеалом для младших поколений.

В древние времена, язычества и раннего христианства, среди почитаемых адыгами мифологических персонажей был и покровитель наездничества, ЗекІуатхъэ (зекІеуэ – поход, наездничество; тхъэ – бог) [Шортанов 1981: 146; Адыгэ мифологием и энциклопедие 2012: 169–170]. Однако в архаическом нартском эпосе он непопулярен, видимо, потому, что институт наездничества сам по себе явление более позднее. Еще позднее функция покровительства наездникам и путникам стала замещаться языческо-христианским персонажем Даушгерги (Даушджэрджий) святым Георгием.

Как это ни представится парадоксальным, в архаических нартских сказаниях императивы поведения воина-наездника не системны. Более рельефно они представлены не в сказаниях о самых древних героях древнего эпоса (например, о кузнеце Тлепше, о матери нартов Сатаней-гуаше, о нартах Сосрко, Озырмесе, Батразе), а в циклах о типологически поздних персонажах.

Примером отражения наездничества в нартском эпосе можно признать цикл сказаний о нарте Шауе, который проявляет себя как идеальный наездник, доблестный воин. Он преодолевает разного рода суровые препятствия, иногда фантастические [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970: 13–123]. Так в сказании о его первом походе нарт Шауей проявляет подлинно идеальные рыцарские качества и необычайную сноровку в кругу нартов [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970: 43–55]. Он также становится идеальным помощником незнакомого наездника в сказании «Нарт Шауей и его гость» [Нартхэр. Адыгэ эпос: 67–76]. Это была своего рода инициация неопита, отправившегося впервые в поход наравне с бывальыми воинами. Видимо, поэтому сказание часто завершается женитьбой героя: действия его ассоциируются с инициальными испытаниями, пройдя которые юноша получает дозволение создать семью.

В историко-героическом эпосе ту же схему – отправление юного и скромного в поведении героя вместе с бывальыми наездниками, а затем обнаружение его превосходства над всеми – гораздо более основательно разрабатывается в цикле Андемиркана [Андемыркъан. Адыгэ лЫхъужэ эпос 2002].

Отметим, что нарт Шауей описывается как невзрачный юноша, ничем не выделяющийся среди остальных, но, в то же время, обладающий необычайным мужеством, выдержкой и скромностью. Это тоже типично для наездника средневекового времени формирования образа. Так, Шауей в отсутствие нартов сооружает для нартов удобные шалаши, добывает на охоте пищу, но не хвастается этим, он скромно умалчивает о своих заслугах, чтобы не задеть достоинства и чести старших. Наличие шалашей и обилие еды он объясняет тем, что на все это добро наткнулся случайно, а люди, находившиеся в шалаше, испугавшись могучих нартов, покинули жилище, оставив трапезу. Так он делает несколько раз, а нарты полагают, что обретают кров и еду благодаря своим славным подвигам. Нарт Шауей раскрывается лишь в конце повествования, когда в одиночку пригоняет нартам табун лошадей. Но и тогда чванливые нарты не желают делиться добычей с ним, ссылаясь на то, что будут делить все поровну по окончании похода. Однако здесь задевается честь юноши, и он вынужден продемонстрировать свою невероятную силу: он садится на своего скакуна в один миг вырубает несколько деревьев, сооружает загоны для лошадей и этим красноречиво демонстрирует свое превосходство. Все это, он делает быстро и не спешиваясь, а нартам остается только с большим удивлением наблюдать за Шауеем. Здесь уже становится очевидным, кто на самом деле добывал еду для нартов, строил жилища и обеспечивал их безопасность. Стоит обратить внимание и на образ коня героя, который на людях не отличается своей красотой и быстротой, но в нужный момент проявляет фантастические способности [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970: 76–86].

Отдельные «родовые» признаки типичного наездника обнаруживаются и в сказаниях о других нартских героях. Но, судя по всему, воин-наездник со всеми

свойственными ему атрибутами – явление, характерное для эпохи раннесредневекового рыцарства. Поэтому в образах наиболее архаичных циклов нартского эпоса эти признаки не столь выразительны, как в цикле Шауея, героя поздней стадии Нартиады, и, тем более, – в цикле сказаний об Андемиркане, герое «поленартской» формации.

Даже из беглых наблюдений правомерно сделать вывод, что образ воина-наездника окончательно сформировался в эпоху раннесредневекового рыцарства с его строгими этическими императивами, сочетающими в себе скромность, мастерство в своем деле и беспредельное мужество. Но это явилось только завершением процесса, который наметился на более ранних стадиях истории общества, когда в человеческом сознании начали формироваться представления о добре и зле, о достоинстве и долге перед себе подобными. Образ воина-наездника и явился воплощением этих представлений в такой идеализированной форме, которая привлекала внимание всего общества и служила образцом для юношей, вступающих в жизнь.

Еще одна важная особенность наездничества – это временные жилища, «стоянки» которые выставлялись прямо в той местности, где обитают наездники. В этнологической литературе их называют мужскими союзами или мужскими домами. По мнению В.Я. Проппа, институт мужских домов «свойствен родовому строю и прекращает свое существование с возникновением рабовладельческого государства» [Пропп 2001: 33–34]. Однако, если первая часть этого суждения не вызывает сомнений, то истинность его второй половины не столь очевидна. Дело в том, что далеко не все явления культуры, возникшие однажды и санкционированные обществом, исчезают с исчезновением той социальной формации, которая их породила. Так, многие мотивы эпических и сказочных сюжетов, а порою и целые сюжеты, дошли до нашего времени в живом бытовании, миновав и первобытно-общинный, и раннефеодальный, и другие этапы, не говоря о том, что границы между самими формациями порою весьма условны. Институт мужских домов, как можно признать, одно из таких явлений. Он эволюционировал и в результате этого претерпел функциональные изменения, а в фольклорном отражении обрел эстетические функции.

На адыгском материале о мужских сообществах в прежние века писали Я. Потоцкий [Потоцкий: 227] и Ф. Торнау [Торнау 1991: 3–60]. В современной научной литературе заслуживают первоочередного внимания исследования Б.Х. Бгажнокова и А.С. Марзeya [Марзей 2000: 46–47; Бгажноков 1990: 5–44].

В фольклоре адыгов, в частности в нартском эпосе тоже упоминается о мужском доме, каковым является место, где проводятся собрания нартвов – нарт Хасэ. Это дом Аледжевых (Алыджхэ я унэ). На хасу допускаются только достойные воины, и каждый, кто имеет право посещать это собрание, в порядке очереди по решению богов, удостоивается кубка саны (горячительного напитка) [Нартхэр. Къэбэрдей эпос 1995: 37–40]. На сход нартвов не допускаются женщины, и о решениях хасы, женщинам не пристало интересоваться. В жанре более позднем, историко-героическом эпосе, очевидны не только большее развитие наездничества как образа жизни, но и доведение его до искусства, в чем немалую роль играет наличие такого явления как мужские дома, которым дается более точное наименование – мужские станы – относительно замкнутые сообщества со своими правилами, создаваемые временно и управляемые бывалыми воинами.

Как видим, институт наездничества в жизненном цикле адыгского мужчины играет немаловажную роль, так как основным занятием достойных мужей были многочисленные походы, в которых они видели образцы достойного владения собой, обретали такие важные для воина качества как мужество, выносливость, знание военного дела, а также совершенствовали свое рыцарское поведение в быту и в самых сложных военных обстоятельствах. Все это отражено не только в

исторических сведениях, но и в фольклоре адыгов. Юноши, ставшие известными благодаря своим подвигам, становились завидными женихами. Поэтому и сами молодые люди, не спешили с браком, до тех пор, пока не познают в полной мере военного быта, не проявят свои силы и умения и не получают громкого признания в кругу уважаемых старших воинов и всего общества.

Источники и литература

1. Адыгэ лыхъужь эпос. Андемыркъан / Зыгъ. КъардэнгъушӀ Зырамыкуш. Налшык: Эльбрус, 2002. 372 н.
2. Адыгэ мифологиим и энциклопедие. Тхъэхэр, лыхъужьхэр, культхэр, нэщэнэхэр / Зыгъ. Мыжей Михаил, Пащты Мадинэ. Майкоп: «ИП Паштов З.В.», 2012. С. 169–170.
3. Адыгэ псалъэжъхэр / Зыгъ. ГъукӀэмыхъу А.М., КъардэнгъушӀ З.П. Налшык: Эльбрус, 1994. 328 н.
4. *Андемыркъан*. Адыгэ лыхъужь эпос / Зыгъ. КъардэнгъушӀ Зырамыкуш. Налшык: Эльбрус, 2002. 369 н.
5. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
6. *Бгажноков Б.Х.* Логос и игрища // Мир культуры. Нальчик, 1990. Вып. 1. С. 5–44.
7. *Гутов А.М.* Этюды о Кавказском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1998. 128 с.
8. *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, 1991. С. 13–249.
9. *Лопатинский Л.Г.* Заметка о народе адыге и кабардинцев в частности // СМОМПК Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. 12. Отд. 1. С. 1–10.
10. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «зекӀуэ» // Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX вв. М., 2000. 256 с.
11. *НПИНА* – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Гиппиуса Е.В. Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 223 с.
12. *НПИНА* – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 231 с.
13. *Нартхэр*. Адыгэ эпос. В 7 томах / Систематизация, составление, вступительный очерк, комментарии А.М. Гадагатля / Къанджыкъо Шъэуай. Щэуей и япэ зекӀуэр. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1970. Т. V. 336 с.
14. *Нартхэр*. Къэбэрдей эпос. ЕтӀуанэ къыдэкӀыгъуэ. Къэбэрдей государственнэ тхыль тедзапӀэ. Налшык: Эль-Фа, Ашэмэз, 1995. 560 с.
15. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
16. *Потоцкий Я.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введ. и вступит. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 225–234.
17. *Пропп В.Я.* Мужской дом в русской сказке // Сказка. Эпос. Песня. Москва: Лабиринт, 2001. С. 33–34.
18. *Скасси Р.* Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году // АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введ. и вступит. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 281–285.
19. *Торнау Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик: Эльбрус, 1991. № 3. С. 10–11; 3–60.
20. *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века* / сост.: А.И. Алиева. Нальчик, 1979. 404 с.
21. *Хагожеева Л.С.* Черкесское наездничество – «ЗекӀуэ» в традиционном образе жизни адыгской знати (на материале преданий) // Научные известия № 3. Июнь 2016. С. 83–89.
22. *Шортанов. А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 192 с.

RIDING AS A STAGE OF LIFE CIRCLE IN THE ADYGHE FOLKLORE

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philology, Senior Researcher Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyanagut@bk.ru

The article considers the nature of the reflection in folklore of the institute of horsemanship in the traditional Adyghe society as one of the important stages of the life cycle of the Adyghe man: in most cases, it precedes the creation of a family and even can serve as one of the ways of initial tests of a young person. The information of domestic and foreign scientists about riding in the tradition of the Adyghs is considered. The texts of Nart and historical-heroic tales which reflect equestrianism as an occupation are analyzed. Also there is the option institutes «man's house», which is reflected in the stories of the sledges as «Nart Khase» – «Assembly of the Narts». In later tradition such meeting of soldiers known by the name «shu pshya» – «the camp of the riders». They were organized at certain times of the year as multi-day campaigns with secret meetings in a certain place for the purpose of training young people and organizing unsafe trips sometimes for quite long distances. Presented specific conditions and rules, which adhered to warriors in such homes and camps. Comparative analysis of folklore and ethnological data is also conducted with the use of materials of Russian folklore and folklore of the peoples of the Caucasus.

Keywords: zeko, Zekotkhe, pshinatl, inyzh, nart-khasa, stan riders, knight, the cleansing song.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-109-115